

МОСКВИЧ ШУКШИН

Роман, правда — 1999 — 19 июля, с. 23
25 июля исполнилось бы 70 лет со дня рождения замечательного русского писателя, актера и кинорежиссера Василия Макаровича Шукшина. Можно ли считать его москвичом? Казалось бы, ответ должен быть скорее отрицательным — ведь и сам Василий Макарович постоянно подчеркивал свое алтайское происхождение, неоднократно говорил о желании оставить суетную столицу, вернуться в родные края. И тем не менее...

20 лет из своей недолгой 45-летней жизни Шукшин прожил в Москве (а до этого несколько лет в Подмосковье). Здесь он учился, работал, здесь остались его семья, дети, здесь он стал тем Шукшиным, которого полюбила вся Россия. Наконец, на Новодевичьем кладбище нашел он последнее упокоение, и вот уже почти четверть века ни зимой, ни летом не увядают цветы и калина красная на его могиле...

«Скулила душа, тосковала...»

Шукшин на собственной шкуре испытал, как жестко встречает столица «гостей» из глубинки, как справедлива поговорка: «Москва слезам не верит».

Наталья Макаровна Зиновьева, сестра Шукшина, вспоминает: «Однажды... ехали мы с ним... в Москву, на одной из подмосковных станций — название я забыла уже — Василий показывает в окно и говорит: «Видишь скамеечку? Я спал на ней когда-то».

Из автобиографии писателя узнаем: «На стройках Подмосковья работал попеременно разнорабочим, слесарем-такелажником, грузчиком». А в рассказе «Мечты» писатель так вспоминает те годы: «Скулила душа, тосковала: работу свою на стройке я ненавидел. Мы были... разнорабочими, гоняли нас туда-сюда, обижали часто. Особенно почему-то нехорошо возбуждало всех, что мы — только что из деревни, хоть, как я теперь понимаю, сами они, многие, — в недалеком прошлом — тоже пришли из деревни...»

Была и пророческая по своему значению встреча «на московских изогнутых улицах», куда не раз приезжал побродить, помечтать о будущем 16-17-летний ученик маляра Василий Попов-Шукшин (долгие годы он вынужден был скрывать истинную фамилию, доставшуюся ему от репрессированного в 1933 году отца-крестьянина). Часто гулял по Гверскому бульвару, заглядывая во двор Литературного института, куда, как он понимал, человеку с семилетней вход закрыт. А мечты-то уже были. И вот — случайная встреча и знакомство здесь же неподалеку с земляком. Им оказался известный кинорежиссер Иван Пырьев.

Он не хотел уезжать из Москвы

Литература и кино «преследовали» будущего писателя и кинематографиста с юности. И поступать в 1954 году он поехал «на писателя», в Литературный институт. Но жизнь распорядилась иначе. «Сначала поступал он в Историко-архивный институт, на заочное. А потом сдал экзамены во ВГИК на очное. И там, и там был принят. Написал в телеграмме: мама, что делать?.. Мама отослала ему телеграмму: оставайся на дневном. Вот так он остался во ВГИКе», — рассказывает Н. М. Зиновьева.

Наибольшие трудности начались

Уместно напомнить, что именно в «Комсомольской правде» в 1963 году была опубликована первая рецензия на первый сборник рассказов Шукшина

после окончания ВГИКа. Он — не москвич: прописка, жилье, работа — все стало проблемой. Ночевал по старой памяти, но уже нелегально в общежитии, у знакомых, иногда на вокзалах, чаще всего на Казанском. Но уезжать из Москвы Шукшин при всех сложностях не захотел. Почему? Может быть, объяснит что-то письмо к сестре, написанное в это время: «Мы все где-то ищем спасения. Твое спасение — в детях. Мое — в славе. Я ее, славу, упорно добиваюсь. Я добьюсь ее, если не умру раньше».

Было бы ханжеством умалчивать о реальных сложностях и противоречиях личной жизни набравшего силу художника. Он не был однолюбом. Родается дочь у одной из женщин, которых он называл любимыми. А семья Шукшина возникает на другом «направлении». Лидия Николаевна делает многое для того, чтобы быт Шукшина вошел в более спокойные рамки. Он горячо любит дочек-погодок. Но далеко не сразу справляется с раздражающими страстями и противоречиями. Может быть, и в этом сказыва-

ется русский характер Шукшина. Он не был ни сахарным, ни постным. Причем сам писатель ощущает собственные противоречия как проявления не только национальных особенностей, но и нашего драматического пути. «Я со своей драмой пью — это ответ: нужна ли была коллективизация? Я — ВЫРАЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА», — запишет он в рабочей тетради. Справедливости ради заметим, что последние пять лет жизни Шукшин, подчиняясь данному себе слову, не пил вовсе. Его страстью оставались кофе (банка растворимого в день) и сигареты (две пачки минимум).

Московская клиника

Конец 50-х — начало 60-х годов. Сокурсник Шукшина А. Гордон так описывает обстановку тех лет и позицию своих позднее знаменитых друзей: «Выступление Хрущева на XX съезде КПСС, венгерские события 1956 года, стихийные митинги во многих вузах. Во ВГИКе два дня шли дебаты, начальство было испугано... Что же Тарковский и Шукшин? Были ли они на баррикадах? Нет, не были». Но в вину им это не ставит: слишком много в том шуме было «бездарного и бестолкового». Шукшин же себя не только «диссидентским», но даже и «деревенским» писателем не считает: «Какие же мы «деревенщики»? Мы — народные писатели».

Некоторое, хотя и не слишком значительное, внимание, он уделяет модной проблематике. В частности, «Комсомольская правда» публикует рассказ о «физике и лирике» «Воскресная тоска». Кстати, уместно напомнить, что именно в «Комсомольской правде» в 1963 году была опубликована первая рецензия на первый сборник рассказов Шукшина.

Рассказов с «московской» сюжетной «пропиской» у Шукшина не так уж много: «Боря», «Жена мужа в Париж провожала...», «Змеиный яд», «Жил человек», «Ночью в бойлерной», «Кляуза», «Три грации». Можно предположить, что Москва стоит за образом неопределенного большого города в некоторых других произведениях писателя. Московские встречи супругов Расторгуевых стали существенной частью фильма «Печки-лавочки». Пожалуй, и все основное. Можно обратить внимание, что все названные выше рассказы драматичны, их герои страдают, болеют, гибнут.

Неправильно думать, что это какая-то специфическая характеристика Москвы. Здесь опять-таки более ярко и выпукло проявляются общенациональные процессы. «Мелкий бес», вселившийся в неглубокие души, вовсе не безобиден. Он, может быть, не способен убить одним ударом, но изматывает, его укусы не глубоки, но болезненны.

Рассказ «Кляуза». В первый и последний раз писатель создает

произведение, герои которого реальные люди, названные собственными именами, а главный герой он сам — Василий Шукшин. Вполне конкретно и место действия — одна из московских клиник. Произведение можно было бы понять лишь как еще одну отповедь мелочному, больно ранящему чувствительную душу хаму, если бы автор не заставил читателя перечитать и переосмыслить написанное: «...Прочитай сейчас все это... И думаю...» Как часто бывает у Шукшина, послесловие предлагает «перевернуть» картинку и всмотреться в нее более внимательно.

«Что с нами происходит?» Очевидно, что подразумеваемое «мы» включает в свой круг и «хама». Хотя с ним все ясно, но слишком долго мы живем рядом, слишком часто сталкиваемся, и это не проходит бесследно. Что-то происходит с душой человека, привыкшего считать себя честным, справедливым, остро реагирующим на зло.

«Уж как они Васю-то любили...»

Мать Шукшина Мария Сергеевна говорила: «Нет, я очень благодарна москвичам. Уж как они Васю-то моего любили! И знают все об ъм, может, поболее, чем я, мать».

Один из таких московских домов, где в трудные дни он находил кров, поддержку и понимание, — квартира известных кинематографистов Рениты Андреевны и Юрия Валентиновича Григорьевых. До сих пор здесь собираются родственники, друзья, исследователи творчества Шукшина и просто его поклонники...

Большую работу по изданию и научной обработке произведений Шукшина ведет Лидия Николаевна Федосеева-Шукшина. Достаточно назвать хотя бы вышедшее к юбилею наиболее полное 6-томное собрание сочинений писателя.

30 июня спектаклем в Московском государственном духовном театре «Глас» начались общероссийские юбилейные торжества в честь семидесятилетия со дня рождения Шукшина. Затем они переместятся в Алтайский край. В Сростках в день рождения художника соберутся, как всегда, тысячи и тысячи благодарных и любящих его людей.

Владимир СИГОВ.

В этом московском доме Василий Макарович провел последние годы жизни.